

УДК 316.61

Аномия современного общества: некоторые проблемы методологии

В.В. Кривошеев

В статье анализируются основные проблемы развития социального познания в современных условиях, высказываются идеи рассмотрения аномии в современном обществе через призму коротких социальных проектов.

The article analyses the main problems of development of the social cognition in the modern conditions, presents some ideas of coming to understand the anomie in the modern society in the light of short social projects.

Изучение современного социума, социума исключительно подвижного, быстро меняющегося на основе традиционных парадигмальных принципов, с использованием понятий и категорий, которые давно "плывут" (Ж.Т. Тощенко), представляется исключительно трудной задачей. В силу многих причин социальное познание переживает далеко не лучшие времена, а наиболее авторитетные исследователи бьют тревогу относительно востребованности социологии [4]. Как это ни парадоксально покажется, но социологическое сообщество во многом готово изучать (и реально изучает) не общество, которое есть, реально функционирует в настоящее время, а то, которое было. Может быть, таким, каким его оценивают социологи, общество было еще совсем недавно, но изучается явно не тот социум, который наблюдается в данное время.

Такое утверждение основано на том, что само современное общество выдвигает перед исследователями небывало сложные познавательные проблемы. В силу этого возникает множество вопросов, сомнений, связанных с результативностью, успехом самих познавательных процедур методологии социального познания. Зададимся вопросом: а что мы, собственно, распознаем в социуме, день вчерашний или день сегодняшний? Обращаясь к многочисленным данным об эмпирических исследованиях, замерах, давая учебные задания студентам, невольно ловишь себя на мысли о жесткой привязке полученных социологами результатов не только к конкретным регионам, слоям общества, но и к временным рамкам изучения того или иного явления. Получается, что фиксируются и публикуются данные о том, каким конкретный социум был несколько месяцев или даже несколько лет назад. Все это, конечно, важно, любопытно, но в данный момент времени изучаемый объект находится явно в ином состоянии. Разумеется, есть мониторинговые исследования, которые позволяют в динамике отслеживать многие явления, показывать реальные перемены в состоянии и степени зрелости общественного сознания, измерять подвижность общественного мнения и т.д. Скажем, Н.И. Лапин с шагом в два года отслеживает ценностные предпочтения россиян, что само по себе дает немало важной, полезной социальной информации [9]. Заметим, полезной прежде всего для органов власти и управления, которые действительно могли бы

использовать ее для принятия тех или иных решений. К сожалению, можно констатировать, что именно социологические источники информации, судя по всему, в последнюю очередь являются основанием разработки и реализации управленческих действий.

Что же касается реального приращения научного знания об обществе, об основных слагаемых социальных процессов, то современное социальное познание в состоянии ответить лишь на простейшие запросы. Получается, что даже мониторинговые исследования, давая возможность выявить, отметить наличие некоторых тенденций, не могут дать полной, адекватной картины все более сложного социума, масштабных социальных процессов, тем более что, отмечая те или иные тенденции, мы вообще не можем быть уверены в том, насколько они устойчивы, а также являются ли они выражением сущностных процессов или отражают некие неглавные, несущественные детали. Не можем мы быть уверены и в том, насколько верно указывается нами вектор развития общества, социальных групп, слоев в условиях множественности факторов информационного и иного воздействия на них. Получается, что даже эти исследования не позволяют выявить подлинность общества, его реальное состояние во всей возможной полноте.

И дело даже не только в точности измерений, возможной погрешности, которую приносят и, вероятно, в чем-то устаревший социологический инструментарий, и излишне частая до сих пор апелляция к опросам, похожим на "соломенные". Меняющаяся ситуация в обществе, подвижность структур, институтов, размытость граней между слоями и группами настоятельно диктуют потребность в уточнении социологических методов, поиск новых способов измерений.

И здесь возникает еще один важный вопрос: а можем ли мы действительно раскодировать реальность, подлинность состояний и процессов или все же способны анализировать только соответствие собственных идеальных моделей и других возможных предварительных теоретических конструкций реальным социальным процессам? В данном случае возникает некая замкнутая познавательная ситуация. С одной стороны, без предварительного идеального представления о реальности, без той самой изначальной конструкции, базирующейся на понятийно-категориальном аппарате, вроде бы вообще невозможно выявлять социальные реалии. Но, с другой стороны, не менее очевидно, что, используя некие теоретические конструкты, мы попадаем в зависимость от нашего предварительного понятийного наброска. В данной ситуации явно велика для исследователя опасность оказаться в плену заведомо сформулированной и сформированной конструкции, теоретической схемы.

Нашим предшественникам, изучавшим процессы и явления социальной жизни в XIX – первой половине XX века, было несравненно легче, чем нынешним исследователям социального. Общество, как неоднократно отмечалось другими исследователями, было устроено просто. Это, в свою очередь, предопределяло и относительно более простые методологические основания изучения социальных явлений и процессов. Предварительная теоретическая конструкция ("идеальный тип" по Веберу) могла вполне сносно

позволить оценить, сопоставить идеальное с реальным, ведь сама реальность была в то время действительно не слишком сложной, общество имело ограниченное число структур, социальные институты были не только устойчивыми, но и в действительности на протяжении едва ли не столетий воспроизводили отношения, взаимодействия, нормы по сути в неизменном виде. Но выигрыш исследователей социального в ту пору заключался и в другом обстоятельстве, тесно связанном с первым. Изменения в традиционном обществе и обществе раннеиндустриальном шли достаточно длительное время, а коммуникационные возможности социума были крайне ограничены. Поэтому-то и времени на всматривание в происходящее для освоения всей информации было много, структуры и институты общества, что уже отмечалось, менялись медленно, а само общество, в сравнении с нынешним, было не только менее сложным, но и слабобильным по самым разным основаниям. Это касалось не только институтов, ценностей, но и статусов индивидов. Отсюда и те выводы, которые делали исследователи социальных процессов в традиционном обществе, были не только ясными, однозначными, но и вполне обоснованными, не раз подтверждавшимися социальной практикой.

Получалось так, что фиксация происходящего позволяла сопоставлять явления едва ли не во всех подсистемах общества, устанавливать зависимости процессов и явлений во всей макросоциальной системе. Процедура познания социальной жизни строилась на основе, выражаясь языком М. Вебера, *формообразования понятий* [3, с. 189]. Кроме такого формообразования, предварительные теоретические конструкции возникали на основе немногих общезначимых принципов, неких общих положений. На таких немногих исходных принципах и выстраивалось понимание развития общества в целом. Постулирование своеобразного социального атома ("социальный факт" у Дюркгейма, "социальное действие" у Вебера), например, оказывалось в свое время вполне достаточным не только для более или менее детального описания социальных процессов, но и выстраивания достаточно сложных логических конструкций происходящего и в социально-политической сфере, и в экономической подсистеме общества. Более поздние попытки соединения идей структурализма (Т. Парсонс) и активизма (А. Турен) вновь позволили несколько продвинуться в постижении социальных процессов. И все же эти основные исходные понятия, общие принципы давали возможность изучить общество с малой или, по крайней мере, не столь значительной социальной динамикой явлений. Общество даже во взглядах представителей активизма, занимающихся выявлением социальных действий, их структурой, по многим параметрам было еще очень статичным, что и позволяло детально фиксировать социальные процессы. Социальные действия, пусть и структурированные, выглядели так же достаточно полно воспроизводимыми, как и все остальные социальные феномены.

Ныне общество представляет собой кардинально иное образование. Во-первых, в современном социуме циркулирует небывало огромный объем информации, большинство из которой есть не что иное, как так называемый информационный шум. Это значит, что большинство потоков сообщений и

сведений оказываются неважными, несущественными, а то и ненужными для людей, не влияющими и в данный момент, и в перспективе на их жизненные планы, ценностные предпочтения и т.п. Информация в своем современном качестве, например, содержащаяся в так называемых новостных теле- и радиопередачах, многих периодических изданиях скорее отвлекает от чего-то важного, полезного, заставляет обращать внимание на фон, несущественные детали, подробности, невольно запоминать мелочные, сиюминутные сообщения, факты. На такую перенасыщенность общества информацией, причем информацией бесполезной, ненужной, обращают внимание по сути все исследователи. А это - как те, кто все еще пытается понять общество, в котором мы все живем и действуем, так и те, кто намерен разобраться лишь в природных явлениях [6].

Во-вторых, нельзя не видеть и такой особенности современного общества, как наличие беспрецедентного числа сетевых, горизонтальных связей и зависимостей. Трудно в силу этого даже представить себе возможность господства в таком обществе одного центра контроля, одного центра информационного воздействия. Индивиды в современном обществе имеют доступ к огромному разнообразию не всегда подконтрольных государству, общественности источников информации. Кроме того, люди часто так связаны между собой, что находятся вне центральных пунктов социального влияния, как властных, так и отражающих элементы гражданского общества. Это делает труднообразимым учет и даже элементарный подсчет возможных результатов воздействий официальных каналов информации, не говоря уже об эффективности такого влияния. Указанное обстоятельство позволяет наиболее активным исследователям даже делать вывод о наличии в современном обществе так называемой *нетократии* (от *Интернет*), которая неизмеримо важнее для нынешнего обывателя, чем все изыски традиционной демократии, вместе взятые. Более того, утверждается, что сама демократия ныне полностью превратилась в манипуляционные воздействия. Проблема теперь состоит не в том, кто правит или думает, что правит, а в том, кто реально владеет информационными ресурсами. Теперь люди страдают не от того, что им недостает информации, а от того, что информации переизбыток [1, с. 37]. Одновременно с этим отмечается, что в современном обществе исключительно велик объем "пустой информации", во множестве распространяются недостоверные, непроверенные, не подтвержденные ничем сведения, данные, а поиск необходимой информации в этих условиях исключительно затруднен.

Нельзя не отметить и иного обстоятельства, свойственного современному обществу, в котором все в большей мере господствует сугубо рыночная психология. Речь идет об утверждении фетишизма денег, финансовых ресурсов и возможностей, превалировании потребительского подхода ко всем проявлениям человеческой деятельности. Финансы, капитал, деньги все больше рассматриваются как такие рычаги, которые в состоянии разрешить якобы все противоречия и конфликты, обеспечить решение всех жизненных проблем человека.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что современное общество нуждается в неких новых измерителях, неких новых дефинициях, каких-то качественно новых принципах проникновения в существо социальной жизни. Общество настолько стремительно меняется, и меняется в далеко не прогнозируемом направлении, что изучать его ныне методологическими приемами даже двадцатилетней давности, видимо, нельзя. Сейчас, вероятно, нельзя уже найти тот идеальный тип, который позволил бы выявить самое существенное в социуме. Самое существенное остается потаенным, скрытым, не поддающимся измерению. На поверхности оказывается виртуальная реальность, скрывающий свои мысли человек, находящийся часто либо в условиях удержания достигнутого уровня благополучия, либо пребывающий в еще более сложном состоянии – стремлении к элементарному выживанию. Мало спасает даже утверждение о том, что в современном социальном мире можно спрогнозировать, да и то относительно, лишь возможные риски и степень, вероятность проявления этих рисков. Поэтому-то *"место политических утопий заняли гадания о побочных следствиях"* [2, с. 332]. Отсюда и та настороженность, даже разочарование, которые свойственны тем, кто привык мыслить ясными однозначными категориями, рассматривать общество как некую целостность, постигаемую общими для разных национальных социологических школ методами, способами [11].

Одновременно это означает, что и все конкретные социальные явления и процессы должны анализироваться с неких новых методологических позиций. Речь идет, в частности, и о постижении аномии, патологических, аномальных состояний общества.

С точки зрения классической социологии, аномия мыслится как сугубо социальный феномен, связанный лишь с социальными процессами. Более того, аномия выглядит преодолимой: достаточно обществу "перейти" из одного состояния в другое, закрепиться в этом новом состоянии, создать иную нормативную (правовую и моральную) базу, как аномия будет якобы исчезать, система социального контроля вновь наладится, станет совершенной в новой ситуации. Так представлял себе ситуацию, как известно, Э. Дюркгейм [5].

В настоящее время, в условиях того общества, о котором говорилось выше, закономерно возникает вопрос: а можно ли говорить о возможности завершения переходного состояния общества, о формировании некой новой социальной целостности? Является ли нынешнее общество системой, которая всецело завершила переход к индустриальному состоянию с новыми возможностями социального контроля? Вопросы не праздные. Во-первых, рядом "сосуществуют", как бы сказали недавно – сосуществуют, общества, основанные на разных принципах, современное человечество представляет собой достаточно разнообразный набор цивилизационных состояний. И все эти цивилизационные состояния оказывают воздействие друг на друга, порой вызывают некие социальные движения, как будто бы не свойственные иным обществам. Достаточно вспомнить своего рода моду на разные сугубо восточные учения, которая охватила Запад. Во-вторых, совершенно очевидно, например, что даже в развитых индустриальных странах фиксируются и такие взаимодействия,

которые, казалось бы, давно должны были быть изжиты, но они есть, существуют, реально несут на себе печать доиндустриального состояния общества. Более того, во многих социальных системах именно эти, "старые", доиндустриальные формы отношений позволяют обеспечить и лучшую адаптацию людей к быстро меняющейся социальной ситуации, и устойчивость всей социальной системы. В-третьих, даже развитые индустриальные страны регулярно и в значительном объеме пополняют население за счет мигрантов, которые столь же регулярно приносят с собой социокультурные образцы поведения и взаимодействия, свойственные доиндустриальным формам организации социальной жизни. Получается, что утверждать наличие некой новой сформированной целостной нормативной системы в современном социуме не приходится. И еще один момент. Ускорение социального времени разрывает сейчас не только межпоколенные, но даже внутривоколенные связи и ценностные предпочтения.

Кроме того, в современных условиях глобальной информации и коммуникации и самой аномии, социальную агрессию, большинство проявлений криминальности также справедливо называют глобальными [10]. Получается, что социумы осуществляют переход к неким новым состояниям еще и в условиях малопредсказуемых влияний и воздействий, которые оказывают на них иные общества. Так можно ли утверждать, что возможно завершение переходного периода, в ходе которого и разворачивается аномия? А может быть, можно констатировать иное, а именно – *современное общество переходно по своей сути, едва ли не по всем своим параметрам.* "Переходность" не есть преодолемое состояние, а напротив, состояние, которое наиболее полно и всесторонне характеризует нынешний социум. Можно, наверное, говорить и о том, что общество вообще не может выйти на некие рубежи стабильности в своем прежнем понимании.

Патологические явления в современном обществе связаны еще и с *сокращением сроков того, что достаточно условно можно назвать личными жизненными проектами индивидов.* Речь идет о том, что ускорение темпов социальной жизни ("социальный бег за успехом и преуспеванием" одних и едва ли не полное состояние депривации для других) диктует необходимость в максимально сжатые сроки получать максимум выгоды, пользы. Смена состояний в обществе, крайняя сжатость временных отрезков, в ходе которых происходит эта смена, потребность единомоментно реагировать на невиданное прежде множество сведений, сообщений, неустойчивость социально-экономической ситуации, о чем охотно и постоянно вещают все средства массовой информации (сведения о росте стоимости жизни, сокращении запасов топлива и энергии и т.п.), апокалиптические настроения, диктуемые информацией о состоянии среды обитания, и многие другие проявления сегодняшней социальной жизни делают жизненные планы очень многих людей сиюминутными. Индивиды стараются не заглядывать в будущее, утрачивают саму необходимость в более или менее длительных планах, расчетах, а жить, что называется, "сегодняшним днем". Особенно это характеризует ситуацию в обществах, которые находятся на этапе трансформации всех своих подсистем.

Речь идет о странах Восточной Европы, бывших республиках Советского Союза. Разрушение прежних основ социальной жизни, значительная нисходящая мобильность миллионов людей, утрата, казалось бы, эфемерного феномена "уверенности в завтрашнем дне", равно как и крайнее снижение барьеров, отделяющих дозволенное поведение от недозволенного, запрещенного, социально опасного привели в России к этой сравнительно новой форме аномии, условно называемой нами *"аномией коротких жизненных проектов"*. Действительно, трудно убеждать, скажем, юного наркомана, что при таком образе жизни он вряд ли доживет до тридцати лет, если он не ощущает свою сопричастность к социуму и ему просто незачем жить дольше. Трудно обосновать и бизнесмену важность социальной ответственности предпринимательства, если человек отчетливо понимает неустойчивость нормативной системы в обществе, скудость качественных параметров законодательства, например, налогового. И в этой ситуации для него главная задача заключается в том, чтобы в максимально сжатые сроки получить максимальную прибыль, спрятать ее и перевести в зарубежные банки. Просто невозможно взывать к патриотизму и морали чиновника, убеждать его в пагубности корыстолюбия, в греховности коррупции, если он чувствует всю шаткость своего положения, быструю смену кадрового состава всех этих администраций и правительств. И чиновник также, используя свое положение, стремится как можно быстрее создать себе более или менее прочные материальные заделы для будущей жизни.

Таким образом, аномия современного общества – принципиально иное его состояние, состояние, которое нуждается в новых инструментах социального познания, новых методологических основах проникновения в самое существо социума.

Литература

1. Бард А. Нетократия: Новая правящая элита и жизнь после капитализма [Текст] / А.Бард, Я. Зодервист. - СПб., 2004.
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. - М., 2000.
3. Вебер М. "Объективность" социально-научного и социально-политического познания [Текст] / М. Вебер/ Теоретическая социология: антология: В 2 ч. - М., 2002.
4. Гидденс Э. К социологическому сообществу! [Текст] / Э. Гидденс// Социологические исследования. – 2007. - №9. - С.4-5.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда [Текст] / Э. Дюркгейм. - М., 1996.
6. Еляков А.Д. Информационный тип социального неравенства [Текст] / А.Д. Еляков// Социологические исследования. – 2004. - №8.
7. Еляков А.Д. Современная информационная революция [Текст] / А.Д. Еляков// Социологические исследования. – 2003. - №10.

8. Иванов В.Н. Массовая коммуникация в условиях глобализации [Текст] / В.Н. Иванов, М.М. Назаров// Социологические исследования. – 2003. - №10.
9. Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России социологии [Текст] / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2003. - №6.
10. Лунеев В.В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации [Текст] / В.В. Лунеев// Социологические исследования. – 2002. - №5.
11. Смелзер Н. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии [Текст] / Н. Смелзер// Социологические исследования. – 2004. - №11.